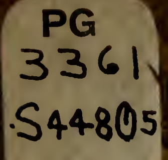

ОПЫТЫ

АЛЕКСАНДРА ШИШКОВА 2-го,

1828 ГОДА.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1828.

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ОПЫТЫ

АЛЕКСАНДРА ШИШКОВА 2-го,

1828 года.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1828.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія, куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Марта 18 го дня, 1828 года. *Ценсоръ П. Гаевскій*,

ОТРЫВОКЪ
ИЗЪ ОПИСАТЕЛЬНОЙ ПОЕМЫ
Ло́нской.

Уже изгнанникъ добровольный,
Среди угрюмыхъ, дикихъ скалъ,
Примѣтно Ло́нской забывалъ
Забавы жизни своевольной.
Военный шумъ, и грохотъ бурь,
И Горцевъ дикіе набѣги,
И неба чистаго лазурь,
И горъ нетающіе снѣги
И все, все нравилось ему,
Все къ чувствамъ свѣжимъ пробуждало,
И безпокойному уму
Все пищу новую давало.
Когда на утомленный станъ
Ночной опустится туманъ;
И все утихнетъ — топотъ конской
И вѣстникъ брани барабанъ:

Въ шатрахъ Татарскихъ внемлетъ Ло́нской
Суровыхъ чадъ Кавказскихъ горъ
Всегда занятный разговоръ;
Ихъ непріязненные нравы
Читаетъ въ черныхъ ихъ глазахъ,
Въ движеньяхъ, въ поступѣ, въ словахъ
И въ буйномъ шумѣ ихъ забавы.
Чеченецъ золъ: его рука
Пріучена къ убійствамъ тайнымъ,
Любовь отъ сердца далека;
Онъ страшенъ путникамъ случайнымъ:
Коварство, месть — его законъ;
Чеченцу не знакома жалость,
И гордо презираетъ онъ
Труды и тяжкую усталость.

И Ло́нской на закатѣ дня
По мирному Аулу бродитъ.
Онъ входитъ въ саклю: у огня
Семью Чеченскую находитъ.
На стѣнахъ блещутъ здѣсь и тамъ,
Между посудою домашней,
Ружье, ужасное врагамъ,
И спутникъ хищника всегдашній —
Кинжалъ. Чеченецъ чиститъ сталь,

Жена пилавъ приготовляетъ,
И въ сердцѣ скрытую печаль
Унылой пѣсней прогоняетъ.
Она все помнитъ, какъ во снѣ,
О ихъ свободной старинѣ.

Чеченская пѣсня.

„Садися, мужъ мой, на коня;
Осѣдланъ конь моей рукою;
Садись, мой мужъ, — свѣтило дня
Потухнетъ скоро за горою.

Бѣлѣютъ ставки козаковъ,
Враги живутъ на сунжѣ нашей,
И пьютъ Гяуры, полной чашей,
Чеченцевъ пламенную кровь.

Ударь на нихъ, и шашкой смѣло
Гостей незваныхъ отрази,
А мнѣ, мой мужъ, мнѣ черепъ бѣлой
Въ подарокъ съ битвы привези.“

* * *

Исчезла буйная свобода
Кавказа дерзостныхъ дѣтей,
Какъ исчезаетъ непогода

При блескѣ солнечныхъ лучей.
Пріосѣнилъ орелъ двуглавый
Вершины исполинскихъ горъ,
И на гранитѣ мечь кровавый
Изсѣкъ Кавказу приговоръ.
Пройдутъ года: Чеченецъ взглянетъ
На сталь забытую отцевъ,
И на щекахъ не вспыхнетъ кровь,
И славы прежней не вспомянетъ;
Лишь иногда; Чеченка мать,
Дитя качая въ колыбели,
Безпечно будетъ напѣвать
Что̀ въ старину бывало пѣли;
Лишь изрѣдка старикъ въ слезахъ
Напомнитъ внукамъ безъ вниманья
О лучшихъ, прежнихъ временахъ
Давно забытыя преданья.

* * *

Оставилъ Ло́нской наконецъ
Чеченцевъ дикіе предѣлы,
Гдѣ часто онъ съ улыбкой смѣлой
Въ бою привѣтствовалъ свинецъ.
Предъ нимъ, на небосклонѣ ясномъ
Бѣлѣетъ рядъ высокихъ горъ;

На ихъ величіи прекрасномъ
Онъ останавливаетъ взоръ.
Прелестенъ видъ природы дикой,
Громады камней вѣковыхъ;
Какъ оставъ страшный и великой;
Въ ущельѣ узкомъ между нихъ
Прорывши силой бѣгъ свободный,
И камни цѣлые катя,
Кавказа буйное дитя
Несется, — Терекъ многоводный:
Все грозно, дико; лишь порой
Тамъ видѣнъ караванъ пустынной,
Лишь слышенъ голосъ заунывной
Нестройной пѣсни за горой;
И рѣдко со скалы высокой
Свободы безпріютный сынъ
На путника уставитъ око —
Уединенный Асетинъ.

* *
*

Когда, измученный страданьемъ,
Волненьемъ пламенныхъ страстей,
Холодной завистью людей
И долгимъ, тщетнымъ ожиданьемъ
Благословенныхъ, ясныхъ дней,

Нещастный вдругъ познаетъ радость,
Печальнымъ сердцемъ отдохнетъ;
Онъ забываетъ тягость бѣдъ,
Его тревожившую младость:
Такъ Ло́нской, съ радостной душой,
Увидѣлъ вдругъ съ горы Крестовой
Луга, цвѣтущіе красой,
И небосклонъ, и воздухъ новой.
За нимъ громады вѣчныхъ льдовъ,
Снѣга, и надъ горами горы;
Предъ нимъ на бархатѣ луговъ
Цвѣты усматриваютъ взоры;
Тамъ рдѣютъ персикъ и гранадъ
Въ близи развѣсистой черешни,
И обвѣваетъ воздухъ вешній
Янтарный сладкій виноградъ.

* * *

Страна! гдѣ щедрая природа
Дала обильною рукой
Всѣ блага роскоши земной
Для недостойнаго народа,
Арагвы шумной берега!
Сады Кахетіи небесной!
Коснется-ль вновь моя нога

До вашей зелени чудесной ?
И скоро-ль лѣтнею порой,
Склонясь подъ персикъ ароматный,
Засну дремотою пріятной
На груди бѣлой, благодатной
Моей Грузинки молодой ?

* *
*

Нашъ путникъ видитъ предъ собой
И стѣны и дарбазы Мцхета;
Ихъ тайной облекли святой
Давно исчезнувшія лѣта.
Жилище древнее Царей, —
Оплотъ Иберіи прекрасной!
Тамъ, близь остатковъ олтарей,
Владыкъ истлѣвшихъ прахъ безгласной;
Гробницы мохомъ поросли,
И облеченны въ мракъ грубокій,
Полезные даютъ уроки
Живымъ властителямъ земли. —

ГЛАСЪ СТРАДАЛЬЦА

Прекрасенъ міръ твой, Боже сильный,
Но не для всѣхъ прекрасенъ міръ!
Взгляни, я бѣденъ, нагъ и сиръ,
Взгляни, я оставъ домогильный;
Мнѣ слезы пища съ юныхъ лѣтъ,
Мнѣ на землѣ пріюта нѣтъ!
Какъ лань пустынную въ долинѣ
Пугаетъ звонкій гулъ роговъ:
Такъ, робкій, трепещу я нынѣ
Отъ клеветы моихъ враговъ.

Ты Боже самъ меня создалъ!
Ты влилъ въ меня огонь ефирный
И къ цѣпи чудной и всемірной
Могущимъ словомъ приковалъ.
Яви же нынѣ мощь святую,
Источникъ вѣчный бытія!
Ты видишь съ неба въ ночь глухую
На черномъ камнѣ муравья,
И въ бурю при разкатахъ грома
Его ты слышишь шелестъ ногъ;
Меня-ль, страданьями гнетома,
Ты не услышишь, вѣчный Богъ!

Щ. . . . У.

Дай руку мнѣ, товарищь мой;
Пойдемъ, пойдемъ на встрѣчу рока!
Поставимъ твердою душой
Противъ завистника порока
Дѣла блестящія собой.
И вѣрь мнѣ, зависть оробѣетъ
Предъ добродѣтелью прямой,
Какъ ночь осенняя блѣднѣетъ
Передъ румяною зарей. —

Х. . . . . . . У.

Такъ, другъ мой, такъ, безсмертенъ тотъ
Кто Богомъ обреченъ для славы,
Чей духъ какъ яворъ величавый
Не сокрушимъ отъ непогодъ.
Его удѣлъ, въ развратѣ вѣка, —
Гоненье, ненависть, укоръ;
Но вѣрь мнѣ, вѣчно свѣтелъ взоръ
Съ душей безстрашной человѣка!
И въ униженьи онъ великъ: —
Сократъ въ послѣднюю минуту
Душою твердой не поникъ,
И выпилъ весело цикуту.
Ему-ль предъ смертью трепетать?
Онъ гордъ, онъ жалости не проситъ;
Великой истины печать
Онъ на челѣ высокомъ носитъ,
И славы грозныя дѣла
Въ вѣкахъ грядущихъ онъ читаетъ,
И зависть и ехидну зла
Ногой безвредно попираетъ.

ЕРМАКЪ,

ПОВѢСТЬ.

I.

СТРАШЕНЪ ЕРМАКЪ.

Твой мечь остёръ, стрѣла мѣтка,
Ты вносишь смерть и гибель въ сѣчу;
Но сжалься, не ходи на встрѣчу
Булатной саблѣ Ермака!
Онъ золъ, страшна его рука,
Его душа неумолима!

Завѣтъ напрасный, дѣва Крима!
Татаринъ смѣлъ: изъ бѣлыхъ рукъ
Онъ взялъ стрѣлу и звонкій лукъ;
Онъ обѣщалъ подругѣ сердца
Копье, иль панцырь иновѣрца;
Онъ полетѣлъ грозою въ бой;
Онъ съ Ермакомъ извѣдалъ силы,
Вздрогнулъ подъ саблей роковой
И поздно вспомнилъ голосъ милый.
Но не одинъ погибъ Ахматъ;

Онъ не одинъ, краса Гюльнара!
Взгляни: Кургановъ длиненъ рядъ;
Они безмолвно говорятъ
О силѣ грознаго удара. —

II.

ОЖИДАНЬЕ.

Утихъ, заснулъ козачій станъ,
Безмолвно все до битвы новой;
Сложивъ копье - булатъ, арканъ,
Всегда идетъ, всегда готовый;
При нихъ заснулъ козакъ суровый.

Не спитъ Ермакъ: пылаетъ взглядъ,
Но мраченъ видъ его унылый.
Такъ въ ночь осеннюю горятъ
Во тмѣ небесныя свѣтилы.
Одинъ въ наметѣ, робко онъ
Внимаетъ мертвому безмолвью
И тщетно благотворный сонъ
Зоветъ, приникнувъ къ изголовью.
Ермакъ, Ермакъ! когда въ бояхъ,
Какъ метеоръ, какъ язва злая,
Твоей руки смертельный взмахъ
Губилъ сыновъ чужаго края;

Б

Когда противныхъ разсыпая,
Ты пировалъ на ихъ костяхъ:
Мечталъ ли ты, чтобъ шумъ случайный
Тебя вздрогнуть заставить могъ?
Тебя пугалъ ли говоръ тайный,
И осторожный шелесть ногъ?
Почтожь теперь, въ близи намета,
Послышавъ тихій гласъ привѣта
И для тебя лишь внятный шумъ,
Забылъ тоску тяжелыхъ думъ?
Вздрогнулъ, — и блѣдный, торопливый,
Спѣшить прочесть въ глазахъ рабы
Отвѣтъ желанный и щастливый,
Иль приговоръ твоей судьбы.

III.

ПИСЬМО ТЕАРЫ.

Ермакъ! ужасно преступленье!
Что̀ предложилъ ты мнѣ? — позоръ!
Гдѣжь дружбы прежней договоръ,
И къ беззащитной уваженье?
Не ты ли са́мъ хотѣлъ щадить
Невинной страсти заблужденье?
Мнѣ суждено тебя любить;
Но ты, Ермакъ, ты мнѣ защита
Отъ сердца, отъ себя самой: —
Люблю тебя, передъ тобой
Душа невинная открыта;
Ты пощадишь мою боязнь
И мыслей дѣтскихъ упоенье. . . .
Люблю тебя; съ тобой и казнь
Была-бъ мнѣ жизнь и наслажденье!
Но что? тебя-ль бояться мнѣ?
Нѣтъ, лести мой Ермакъ не знаетъ;

Кто страшенъ сильнымъ на войнѣ,
Тотъ слабыхъ дѣвъ не поражаетъ.
И такъ твоя, твоя, Ермакъ,
Клянусь, по гробъ твоя Теара. . . .
Когда ночной прояснитъ мракъ,
Я жду тебя подъ тѣнь Чинара.

IV.

СВИДАНЬЕ.

Нещастливъ тотъ, кому любовь
Не улыбалась въ жизни скучной!
Щастливъ кто спалъ среди цвѣтовъ
Съ подругой жизни неразлучной,
Съ младой посланницей боговъ,
Восторгъ любви, души порывы!
Ермакъ въ забвеньи васъ узналъ,
Когда одинъ, нетерпѣливый,
Теару къ сердцу прижималъ,
Въ глазахъ волшебницы невинной
Читалъ довѣрчивый покой;
Сгарая, трепетной рукой
Перебиралъ косою длинной,
Дыханье устъ въ себя впивалъ,
Желанья скрытаго признанье
И груди полной колыханье
Кипящей грудью измѣрялъ. —

V.

ХОРЛУ.

За чѣмъ измѣна отравила
Любви — забвенья краткій часъ?
За чѣмъ, щастливцы, васъ не скрыла
Густая ночь отъ чуждыхъ глазъ?

Уставъ, предавшись бранной нѣгѣ,
Теары братъ вкушаетъ сонъ;
О новой битвѣ, о набѣгѣ,
Еще во снѣ мечтаетъ онъ: —
То лукъ свой мѣткій напрягаетъ,
То вдругъ громитъ враждебный станъ,
То взброся гибельный арканъ,
Добычу быстро увлекаетъ;
И тѣшитъ грозная мечта
Въ ночи досугъ его суровый,
И вызовъ смерти дать готовы
Полуотверзтые уста.

VI.

ИЗМѢНА.

Предъ нимъ раба. Хорлу внимаетъ
Признанья хитраго словамъ: —
„Ты спишь Хорлу, а стыдъ и срамъ
Главы безстрашныхъ покрываетъ;
Отмсти, всему виновная,
Отмсти рабѣ твоей послушной;
Я здѣсь спокойно, равнодушно
Умру на острiѣ копья. . . .
Но прежде . . . . тамъ — въ тѣни Чинара
Ермакъ . . . съ нимъ робкая Теара;
Они одни, Хорлу, спѣши,
Промедлить мигъ одинъ опасно;
Но естьли поздно, потуши
Твой гнѣвъ въ крови моей нещастной!«
Хорлу возпрянулъ: — жажда зла,
И кровь въ глазахъ его пылала,
Казалось молча вылѣтали
Изъ устъ проклятье и хула.

VII.

ИХЪ НѢТЪ.

Проснулся день, — наметы въ прахъ;
Къ набѣгу вспрянулъ станъ козачій;
Готово все искать въ бояхъ
Добычи, смерти, иль удачи.
Столпяся дружно, козаки
Высматриваютъ знакъ условной,
Ждутъ мановенія руки. . . .
Все неподвижно, все безмолвно.
И день потухъ — и снова мракъ;
Часы бѣгутъ, часы несутся.
Но гдѣ Хорлу, но гдѣ Ермакъ?
Въ чужихъ рукахъ ихъ кони бьются. . . .

Вожди безстрашныхъ козаковъ!
Гдѣ ваша власть, гдѣ ваша сила?
Хорлу, удѣлъ ли твой могила?
Ермакъ, тебѣ-ль опредѣлила

Судьба позоръ и звукъ оковъ?
Но ты не жаждалъ смерти друга
И чуждъ душѣ твоей упрекъ;
Онъ самъ, Хорлу, онъ самъ притекъ,
Какъ язва грознаго недуга. —

В

VIII.

ОНЪ РАБЪ.

Ермакъ въ цѣпяхъ: подземный хладъ
Тлетворной смертью въ душу вѣетъ;
Желѣза тяжкія гремятъ,
Тоска на сердцѣ тяготѣетъ.
И мыслитъ онъ: о краткій мигъ!
Куда исчезъ ты, призракъ щастья?
Впервые радость я постигъ
Подъ тучей грознаго ненастья!
Исчезло все — мечты любви,
Младыхъ надеждъ и шумной славы.
О сонъ! повѣй, возобнови
Мои протекшія забавы.

IX.

ОТСТУПЛЕНЬЕ.

Ужасенъ въ дебри лѣтній зной;
Но часто путникъ, утомленный
Степей безплодной пустотой,
Измученъ солнцемъ, въ жаръ полдневный
Пріятной тѣшится мечтой.
Онъ видитъ въ мысляхъ тѣнь густую,
Туда онъ мчится отдохнуть;
Онъ плещетъ влагу ключевую
На разпалившуюся грудь.
Ему мечта прохладой вѣетъ
Въ дыханьи легкомъ вѣтерка;
Онъ пѣнитъ волны . . . но рука
До разкаленнаго песка
Коснулась, вздрогла, — онъ нѣмѣетъ;
Онъ палъ, онъ жаждетъ смерти злой,
И вновь обманчивой мечтой
Утѣщить сердца не умѣетъ.
Надежда щастья! не тебя-ль

Когда-то мысль моя питала?
Не ты-ль младому жизни даль
Въ роскошныхъ краскахъ рисовала?
Волшебница! гдѣжь скрылась ты?
Осталось мнѣ одно страданье, —
Какой-то звукъ моей мечты,
Невнятное воспоминанье.

X.

ГДѢ ЖЕ ОНЪ?

А ты, дружина Ермака,
Ты не услышишь гласъ знакомый;
Его безстрашная рука
Передъ тобой не броситъ громы
Въ Татарскій станъ, въ толпы враговъ;
И въ часъ свободный, отдыхъ битвы,
Его не будетъ слышанъ зовъ;
Онъ не помчитъ на пиръ ловитвы
Своихъ послушныхъ козаковъ.
И гдѣжь онъ, гдѣ? никто не знаетъ;
Тоска въ дружинѣ боевой;
Лишь шопотомъ молва, порой,
Изъ устъ въ уста перелѣтаетъ:
»Ермакъ любилъ, Ермакъ пылалъ;
Въ тиши ночной, во мракѣ ночи
Теару къ сердцу прижималъ
И цѣловалъ сокольи очи.
Хорлу провѣдалъ, — месть и злость
Пылали въ сердцѣ; онъ къ Чинару —
Ермакъ съ нимъ въ бой; незванный гость

Подвергся самъ его удару.
Съ тѣхъ поръ Ермакъ страдалъ въ цѣпяхъ:
Безъ пищи, ослабѣвъ отъ жажды,
Въ цвѣтущихъ гибнулъ онъ годахъ,
И смерть ужасная . . . однажды
Печальной думой угнетёнъ,
Безъ чувствъ, безъ призрака надежды
Ермакъ забылся; легкій сонъ
Сомкнулъ страдальческія вѣжды;
Онъ спалъ — и вдругъ *она* предъ нимъ
Какъ бобъ любви, какъ богъ защиты;
И слезы токомъ дождевымъ
Кропили блѣдныя ланиты.
Ермакъ очнулся. . .
Гдѣжь Ермакъ?
Когда ночной прояснѣлъ мракъ,
Молчало все, его не стало.
Въ темницѣ мрачной тишина;
Лишь вѣтеръ рѣзкой у окна
Качалъ Теары покрывало;
Лишь было видно, какъ ковыль
Прилегъ подъ тяжкою ногою,
И чуть замѣтной пеленою
Вдали укладывалась пыль. —

УКРАИНА.

Я все люблю въ тебѣ: и злакъ твоихъ полей
И полдень пламенный, и въ роскоши ночей
Пѣвца весенняго на яблонѣ вѣтвистой,
И селы мирныя въ тѣни твоихъ садовъ,
И запахъ липъ твоихъ, и дѣвъ, и воздухъ чистый,
И пѣсни поселянъ на нивѣ золотистой,
И первую души моей любовь.

ДРУГУ УТѢШИТЕЛЮ.

Тебѣ-ль понять мое мученье
И изсушить источникъ слезъ?
Къ чему мнѣ дружбы утѣшенье?
Оно — вечерній лучь небесъ
И благотворный и отрадный,
Когда онъ блещетъ, серебритъ
Увѣковѣченный гранитъ,
Но не согрѣетъ камень хладный.

Ужь я знакомъ съ моей тоской,
Я раздружился съ упованіемъ;
Издавна цѣпью роковой
Ее гонитель геній мой
Связалъ съ моимъ существованьемъ;
Исчезну я какъ призракъ сна,
Какъ искра яркая на снѣгѣ,
Какъ въ шумѣ бранномъ тишина,
Какъ одинокая волна
Забыта бурею на брегѣ. —

МАДАГОГЪ и БАЯДЕРА,

ИНДѢЙСКАЯ ПѢСНЯ.

Не впервые къ намъ слѣтаетъ
Царь вселенной, Мадагогъ;
Съ нами радость раздѣляетъ
И печаль могущій богъ;
Съ нами жить ему отрада,
Міръ идетъ своей чредой,
Онъ караетъ, награжденья
Сыплетъ щедрою рукой.

И область земную, какъ странникъ, проходитъ,
И сильныхъ смиряетъ, и слабыхъ возводитъ,
И дальше, и дальше вечерней порой.

Онъ идетъ: — въ концѣ селенья
Передъ нимъ рѣзвясь, шутя,
Жертва чувствъ и наслажденья
Появляется — дитя:
И узналъ онъ Баядеру.
Дѣва странника манитъ
Къ наслажденью, къ нѣгѣ томной
Жаромъ пламенныхъ ланитъ.

Играетъ на арфѣ, кружится, порхаетъ,
И бога цѣлуетъ, и бога ласкаетъ,
И полную чашу блаженства сулитъ,

И привѣтливо съ собою
Увлекаетъ въ свой пріютъ.
„Отдохни, часы съ тобою
„Непримѣтно пробѣгутъ.
„Ты усталъ, мой путникъ милый,
„Прислонись къ моей груди,
„И утраченныя силы
„Наслажденьемъ пробуди.

И въ сладкой она о безсмертномъ заботѣ,
Лелѣетъ, и нянчитъ, и къ томной дремот
Безсмертнаго клонитъ улыбкой любви.

Но отъ ней услугъ рабыни,
Испытуя, хочетъ онъ.
Воля мощнаго — единый,
Неизмѣнный ей законъ.
И покорность дѣвы юной
Отъ любви не въ далекѣ;
Такъ родится плодъ румяный
Изъ цвѣтка на стебелькѣ.

И хочетъ безсмертный большимъ испытаньемъ,
И страстью, и нѣгой, и новымъ желаньемъ
И новою скорбью ее испытать.

Въ очи дѣву онъ лобзаетъ,
Дѣва страсти предалась,
Дѣва млѣетъ и вздыхаетъ,
Дѣва плачетъ въ первый разъ.
Пламень страсти благородной
Пробѣжалъ въ ея крови
И къ ногамъ его склонилась
Жрица гордая любви.

Ложились грядою ночные туманы;
Смолкала природа, и сумракъ желанный
Готовилъ блаженства златыя часы.

Утомленная заснула;
И пробилъ полночный часъ,
И проснулась, и вздрогнула,
Милый гость ея угасъ! —
Прахъ его цѣлуетъ дѣва,
Въ хладномъ прахѣ чувства нѣтъ,
И пылаетъ пламень яркій
И костеръ его зоветъ.

И слуха коснулись печальные клики,
И видитъ, жрецовъ потянулися лики,
И мчится, забывшись, погибшему въ слѣдъ

И къ жрецамъ она съ мольбою,
Безотрадна и блѣдна:
Дайте друга, съ нимъ душою
Я давно обручена.
Бога-ль лучшее созданье
Пламень яркій истребитъ?
Нѣтъ, онъ мой; мое дыханье
Друга къ жизни возвратитъ!

И протяжнымъ жрецы отвѣчаютъ напѣвомъ
И хладному старцу, и пламеннымъ дѣвамъ,
И юношамъ мощнымъ конецъ предлежитъ.

Ты внемли совѣты наши,
Баядера! — онъ не твой, —
Пѣй любовь изъ полной чаши
Въ цвѣтѣ жизни молодой.
Ты не связана обѣтомъ,
Ты погибшему чужда;
На кострѣ съ холоднымъ прахомъ
Ты погибнуть не должна.

Гремите, священные звуки дрометы;
Примите, о боги, мольбы и обѣты
Съ добычею хладной всегдашняго сна.

Такъ поетъ ихъ хоръ печальный.
Безъ вниманья и блѣдна.
Быстро въ пламень погребальный
Повергается она. . . . .
Но изъ пламеннаго круга
Поднялся могущій богъ;
И понесъ младаго друга
Въ свой надоблачный чертогъ.

БАРДЪ НА ПОЛѢ БИТВЫ.

Склонялся день: одинъ съ своей тоскою,
Съ мечемъ зазубреннымъ и лирой боевою,
Среди друзей, добычи мѣткихъ стрѣль,
Печальный Бардъ задумчиво сидѣлъ.
Его ланитъ не орошали слёзы,
И персей вздохъ не волновалъ;
Но взоръ пѣвца, какъ взоръ угрозы,
На трупахъ отдыхалъ.
Онъ пережилъ сыновъ своей отчизны,
И суждено пѣвцу веселыхъ дней —

Свершить обрядъ печальной тризны
На трупахъ тлѣющихъ друзей.
И онъ поетъ имъ пѣснь прощанья,
И тихій гласъ его унылъ
Какъ въ полночь вѣтра завыванья
Среди чернѣющихъ могилъ.
„Погибли вы, дружины славы,
„Питомцы грозные побѣдъ!
„исчезъ вашъ подвигъ величавый
„Какъ легкій сокола полетъ,

„Какъ въ воздухѣ орлиный слѣдъ;
„Я помню васъ въ пирахъ веселыхъ,
„На полѣ чести помню васъ: —
„Я гибель злымъ читалъ не разъ
„На челахъ мстительныхъ и смѣлыхъ;
„Но вы погибли, вашъ удѣлъ
„Въ рукахъ судьбы отяжелѣлъ!“

Такъ пѣлъ пѣвецъ. Въ его душѣ лежала
неодолимая тоска,

И на струнахъ его рука
Нѣмѣла и дрожала;
И року буйственный укоръ
Изображалъ пѣвца унылый взоръ.

Онъ вамъ завидовалъ, вамъ, падшіе на брани!
Вамъ, мстители за край своихъ отцовъ!
За иго рабское, за дани
Благодѣянья пришлецовъ.

И взоръ его воспламененный
По холмамъ дальнымъ пробѣжалъ;
Онъ струнамъ арфы вдохновенной
Восторгъ душевный передалъ —

Ко мнѣ изъ мрачнаго аида;
„Намъ вождь — и мщенье и обида,
„И стонъ друзей, и слезы женъ,
„И угнетенныхъ слабый ропотъ,
„И побѣдившихъ наглый хохотъ,
„И нашихъ дѣвъ позорный плѣнъ."
Пусть бурной не погодой вѣетъ
Вашъ духъ во вражескихъ рядахъ;
Пусть бѣгство стыдъ напечатлѣетъ
На ихъ безславныхъ знаменахъ!
Тогда — пѣвецъ побѣдъ и чести —
На ихъ разбросанныхъ костяхъ
Прославлю духъ правдивой мести;
Родится жизнь въ моихъ струнахъ,
И голосъ Барда, голосъ смѣлый
Изъ края въ край промчитъ молва,
И незабвенныя слова
Услышатъ дальніе предѣлы.

Потухнулъ день, замолкъ пѣвецъ,
Восторженный великой думой;
Казалось взоръ его угрюмой
Искалъ страдальческій вѣнецъ:
Онъ вызывалъ погибшихъ къ битвѣ новой;

Но вкругъ него сонъ мертвой повѣвалъ,
И тщетно гласъ его суровый
О славѣ мертвымъ напѣвалъ (*).

~~~~~

(*) Отрывокъ сей взятъ изъ одного старинного Испанскаго романа, содержаніе котораго относится ко времени владычества Мавровъ въ Испаніи.
~~~~~

ГЛ. . . . . . Ѣ.

(Изъ Ламартина.)

Когда ты въ нѣгѣ сладкой
Сжимаешь руку мнѣ задумчиво рукой,
Я щастливъ, милый другъ, и мигъ блажен
ства краткій
Съ невѣроятною проходитъ быстротой;
Когда обнявъ тебя въ тѣни вѣтвистой ивы
Твой каждый вздохъ устами я ловлю;
Когда мнѣ страстное *люблю*
Твердитъ твой взоръ краснорѣчивый.
И клятвы прежнія я повторяю вновь;
Или когда въ прохладѣ тѣни
Какъ дѣва райская, какъ юная любовь
Ты голову мнѣ склонишь на колѣни;
И взоръ, мой страстный взоръ прильнет
къ твоимъ очамъ,
Какъ въ вешній день пчела къ листочку роз
Тогда, признаюсь ли? мнѣ грустно; слез
Украдкою катятся по щекамъ;

Я трепещу, смущаюсь и блѣднѣю, —
И ты тоской пугаешься моею;
Ты ищешь прочитать въ глазахъ,

Со вздохомъ нѣжнаго участья,

Причину страшную грозящаго нещастья;
Ты говоришь: мой другъ, откуда страхъ?
Какой ударъ безсмертные наслали?
Единственный, чистосердеченъ будь;

Признайся, перелѣй мнѣ въ грудь
Твою тоску, твои печали.

Не спрашивай меня! Я на груди твоей
Щастливъ какъ богъ любовью нашей,
Я съ устъ и пламенныхъ очей
Пью наслажденье полной чашей;
Но въ упоеніи любви,
Въ живыхъ восторгахъ сладострастья,
Предвѣстникъ близкаго ненастья —
Какой-то страхъ живетъ въ моей груди.
Я вѣчно слышу голосъ тайный,
Онъ неумолкно говоритъ,
Что все пройдетъ, какъ сонъ случайный,
Что радость сердцу измѣнитъ,
И вмѣстѣ съ жизнью скоротечной

Огнь страсти догоритъ.
Предвѣстникъ страшный, другъ сердечный
Всегда, вездѣ меня пугаетъ онъ;
И я согласенъ: щастье сонъ,
Когда оно не вѣчно. —

ТРИ СЛОВА
или
ПУТЬ ЖИЗНИ.

„Тяжка мнѣ, страдалецъ, кручина твоя,
Пріятно помочь въ огорченьи;
Но помни три слова — въ нихъ тайна моя —
Надежда, готовность, терпѣнье;
„Безъ нихъ ты собьешся съ дороги въ степи,
И цѣли твоей не достигнешь;
Иль въ мрачной темницѣ, на тяжкой цѣпи
Печальною жертвой погибнешь.
„Ужь многихъ я видѣлъ въ дремучихъ лѣсахъ,
Всѣ мчались къ таинственной цѣли;
Но скоро ихъ обнялъ и трепетъ и страхъ,
И кости гостей забѣлѣли.“
И путникъ-страдалецъ свой крестъ лобызалъ,
И дальше пустился въ дорогу;
Онъ помнилъ три слова, ихъ старецъ сказалъ,
Три слова, пріятныя Богу.

И путникъ сокрылся въ туманной дали;
Три слова — и въ прахъ привидѣнье,
И къ цѣли желанной его довели
Надежда, готовность, терпѣнье.

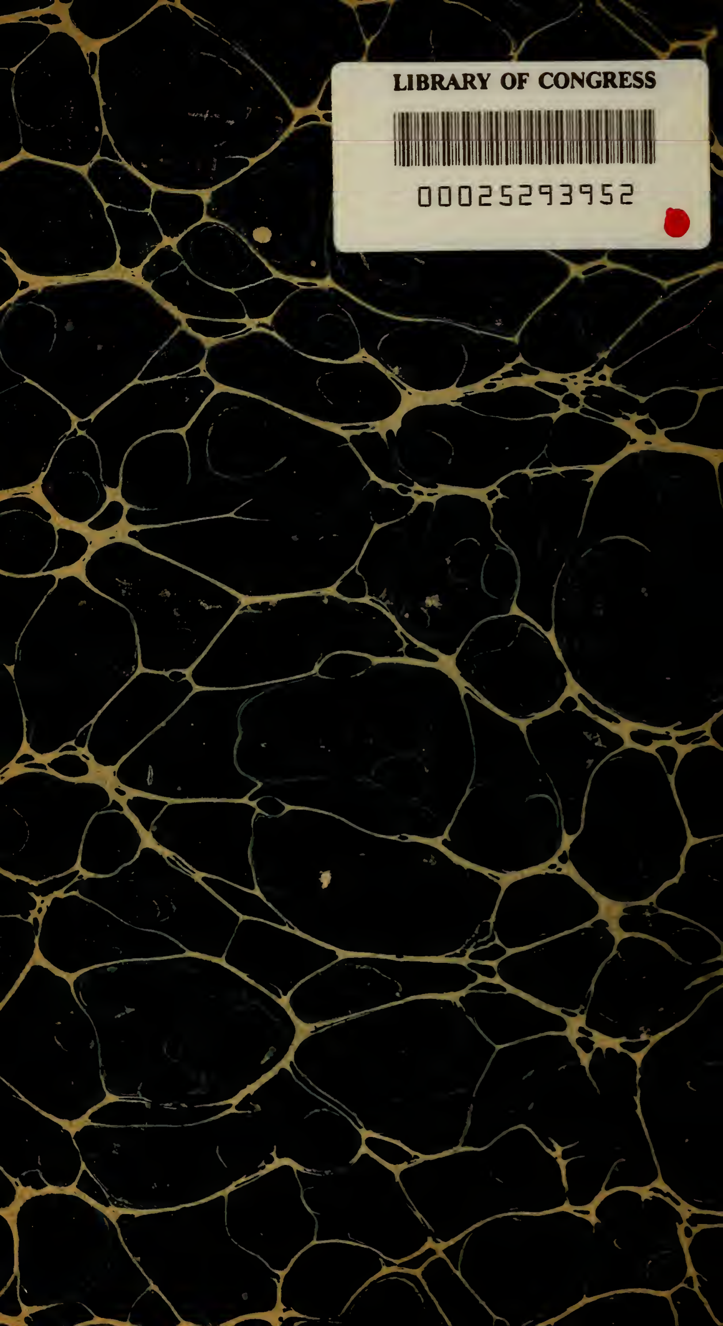
РОДИНА.

Гонимый гнѣвною судьбой,
Давно къ страданьямъ осужденный,
Какъ я любилъ въ странѣ чужой
Мечтать о родинѣ священной.
Я вспоминать о васъ любилъ,
Мои младенческіе годы, —
И юной страсти первый пылъ,
И вьюга Руской непогоды!
  И я опять въ странѣ отцовъ,
И обнялъ я рукою жадной
Домашнихъ пѣстуновъ боговъ;
Но не привѣтливъ мраморъ хладной,
И не пріютъ родимый кровъ!
Простите-жь, сладкія мечтанья
Души обманутой моей;
Какъ сынъ бѣды, какъ сынъ изгнанья,
По зыбкой влажности морей
Вѣтриламъ легкихъ кораблей
Препоручу мои желанья. —

КОНЕЦЪ.

LIBRARY OF CONGRESS
00025293952